М. Грушевскій.

ВОЛЫНСКІЙ ВОПРОСЪ

1097–1102 г.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.
1891.

ВОЛЫНСКІЙ ВОПРОСЪ 1097—1102 Г.[1]

Предметъ настоящей работы составляютъ взаимныя отношенія южнорусскихъ князей конца XI и начала XII в. Предметъ, конечно, очень не новый: любечскій съѣздъ, ослѣпленіе Василька, волынская война 1098—1099 г., увѣтичскій съѣздъ съ его ближайшими послѣдствіями—всѣ эти факты, объединяемые мною подъ общимъ именемъ „волынскаго вопроса", такъ какъ вопросъ о владѣніи Волынью составляетъ тотъ центральный пункъ, къ которому привели и около котораго сгруппировались современныя княжескія отношенія—эти факты хорошо извѣстны, благодаря своему интересу, драматизму, богатству подробностей, и обстоятельно излагаются во всякомъ сколько нибудь подробномъ курсѣ исторіи. Но нельзя сказать, чтобы эти факты, при всей своей общеизвѣстности, были вполнѣ понятны, была ясна ихъ зависимость и связь относительно предшествующаго и послѣдующаго. Взаимныя, напримѣръ, цѣлованія князей въ Любечѣ и послѣдовавшее ослѣпленіе Василька; единодушный взрывъ негодованія при вѣсти объ этомъ преступленіи и затѣмъ—передача Волыни Святополку и намѣреніе „братьи" лишить волости самого пострадавшаго—Василька; первенствующая роль Мономаха въ началѣ этихъ событій и странное,

---

[1]) Первоначально содержаніе этой работы входило, какъ эпизодъ, въ мою „Исторію Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV в.", которая печатается одновременно съ этимъ; но затѣмъ я счелъ за лучшее выдѣлить этотъ эпизодъ и дать ему самостоятельное бытіе, чтобы имѣть возможность подробнѣе обосновать и развить проводимые относительно него взгляды, чего нельзя было сдѣлать въ рамкахъ упомянутой „Исторіи".

пассивное положенiе его въ дальнѣйшемъ теченiи вопроса—эти факты, какъ они передаются въ источникахъ, являются неожиданными, непонятными. Перипетiи событiй въ источникахъ часто не мотивированы, или мотивированы недостаточно, фальшиво, большая же часть ученыхъ, излагая эти событiя, обыкновенно скользитъ, такъ сказать, по поверхности извѣстiй, не подвергая ихъ болѣе глубокому анализу. Если же были высказываемы относительно ихъ справедливыя соображенiя, то и они не всегда принимались въ разсчетъ послѣдующими изслѣдователями и не содѣйствовали въ должной мѣрѣ правильному пониманiю событiй. Между тѣмъ правильная оцѣнка этихъ событiй и сама по себѣ представляетъ научный интересъ, и важна въ томъ отношенiи, что отъ нея получаетъ то или иное освѣщенiе вся вообще княжеская политика того перiода и личности участниковъ этихъ событiй, крупныхъ историческихъ дѣятелей того времени.

Существенный вопросъ въ данномъ случаѣ—вопросъ объ источникахъ. Для изученiя волынскаго вопроса существуетъ ихъ нѣсколько. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ сказанiе нѣкоего Василя, включенное въ Начальную лѣтопись [1]). Можно колебаться въ опредѣленiи предѣловъ этого сказанiя; наиболѣе вѣроятно, что оно обнимаетъ собою разсказъ о событiяхъ отъ любечскаго съѣзда до конца волынской войны [2]). Написано

---

[1]) О немъ спецiальная работа г. Хрущова: „Сказанiе о Василькѣ Ростиславичѣ" въ „Чтенiяхъ историческаго общества Нестора". I, стр. 44 сл., потомъ вошедшая въ его книгу „О древнерусскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказанiяхъ". 1878 г., стр. 31 сл.

[2]) Кончая словами: „а Володимеръ вда сынови своему Ярославу" (Лаврент. лѣт., изд. 1872 г., стр. 264). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 22) склоняется къ тому предположенiю, что Василю принадлежитъ не весь разсказъ о Василькѣ; но разсказъ собственно о волынской войнѣ носитъ также ясныя черты отдѣльнаго сказанiя, а какихъ либо слѣдовъ спайки его со сказанiемъ объ ослѣпленiи Василька не замѣтно. Наоборотъ Погодинъ предполагалъ за сочиненiемъ Василя гораздо большiе размѣры, приписывая ему же нѣкоторыя вставныя извѣстiя со смерти Всеволода, въ томъ числѣ и извѣстный разсказъ о борьбѣ Олега съ Мстиславомъ (1096 г.) (см. его Хронологическiй указатель древн. русск. исторiи въ Ученыхъ Зап. Академiи, VII, I, стр. 74—80). Г. Хрущовъ описанiя любечскаго съѣзда не причисляетъ къ сказанiю (Чтенiя, стр. 55).

оно, повидимому, въ промежутокъ между 1112 г. (смерть Давыда Игоревича) и 1124 (смерть Василька), слѣдовательно спустя лѣтъ пятнадцать — двадцать послѣ описываемыхъ событій [1]). Авторомъ его было лицо, какъ видно, близкое къ Васильку [2]) и дому Всеволода, но ближе намъ неизвѣстное. Другой источникъ—погодныя записи, вошедшія также въ составъ Начальной лѣтописи; четыре краткія записи относятся къ событіямъ 1098—99 г., описываемымъ въ Сказаніи, но онѣ не зависятъ отъ него: такъ въ записяхъ приведена точная дата смерти Мстислава Святополковича, отсутствующая въ Сказаніи, судя по этой же датѣ и общему характеру записей, надо думать, что онѣ приблизительно современны описываемымъ событіямъ. И сказаніе,

---

[1]) Говоря о переводѣ Давыда въ Дорогобужь, авторъ Сказанія прибавляетъ: „в немже и умре", а о Василькѣ замѣчаетъ: „и есть та рана на Василкѣ и нынѣ" (Лаврент. лѣт., стр. 251 и 263), см. упомянутую статью г. Хрущова въ Чтеніяхъ, стр. 58. Надо, впрочемъ, замѣтить, что это упоминаніе о смерти Давыда находится въ самомъ концѣ Сказанія, который очень сходенъ съ заключительными словами лѣтописнаго разсказа объ увѣтическомъ съѣздѣ: „даша ему Дорогобужь, в немже и умре, а Святополкъ перея Володимерь, и посади въ немъ сына своего Ярослава" (Сказаніе), „и посемь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, в немже и умре, а Володимеръ вда сынови своему Ярославу" (лѣтопись)—Лавр. л. с. 263 и 264, Ипатск. стр. 179 и 181. Совпаденіе это, конечно, не случайное и должно быть объяснено заимствованіемъ; я думаю, что заимствовалъ составитель лѣтописной записи, потому что слова—„Святополкъ перея" и пр. въ Сказаніи являются необходимымъ заключеніемъ о послѣдующей судьбѣ Волыни (другое обстоятельство въ пользу такого заключенія будетъ приведено ниже). Противоположное мнѣніе было высказано Погодинымъ въ упомянутомъ „Хронологическомъ указателѣ" (стр. 81).

Нѣкоторые ученые обратили вниманіе на то обстоятельство, что Сказаніе говоритъ о характерѣ Мономаха въ прошедшемъ времени: „Володимеръ бо такъ бяше любезнівъ, любовь имѣя к митрополитомъ"..; въ Ипатской лѣт. (изд. 1871 г., стр. 172): „Володимеръ же такъ есть любъзнивъ", но дальше слѣдуютъ прошедшія времена: „и приходящая к нему напиташе и напояше". Это подало поводъ къ предположенію, что этотъ отзывъ сдѣланъ уже послѣ смерти Мономаха (1125 г.)—см. Monumenta Poloniae histor. Бѣлевскаго, I, p. 526 и у К. Н. Бестужева-Рюмина, О сост. р. лѣт., стр. 30. Собственно прошедшее время не можетъ служить рѣшительнымъ аргументомъ, (авторъ могъ говорить о Мономахѣ и при жизни его въ прошедшемъ времени, съ точки зрѣнія описываемыхъ событій), но нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что Сказаніе позже подверглось нѣкоторымъ добавленіямъ и измѣненіямъ.

[2]) Г. Хрущовъ справедливо замѣчаетъ, что многое Василь описалъ со словъ самого Василька (Чтенія, стр. 60).

и записи, кромѣ Начальной лѣтописи, переданы затѣмъ и въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ съ нѣкоторыми варіантами и добавленіями; варіанты и добавленія встрѣчаются также и въ польскихъ сводахъ, основывавшихся на русскихъ лѣтописяхъ, какъ Длугоша, Стрыйковскаго [1]). Нѣсколько краткихъ извѣстій, относящихся къ нашему вопросу, находится въ поученіи Мономаха и, наконецъ, въ Печерскомъ Патерикѣ, въ житіяхъ св. Прохора, Василія и Ѳеодора.

Изучая и сравнивая извѣстія нашихъ источниковъ, я пришелъ къ убѣжденію, что главный источникъ—Сказаніе, которому слѣдуютъ до настоящаго времени ученые въ изложеніи и оцѣнкѣ описываемыхъ въ немъ событій, — это сказаніе, при всѣхъ своихъ литературныхъ достоинствахъ, въ противность господствующему мнѣнію, не безукоризненно, какъ историческій источникъ. Въ общемъ на фактическую сторону его можно положиться—авторъ стоялъ близко къ описываемымъ событіямъ и дѣятелямъ и имѣлъ о нихъ достаточно свѣдѣній, но освѣщеніе, мотивы, которые даетъ онъ по временамъ (въ другихъ случаяхъ изложеніе Сказанія объективно и личность автора мало выступаетъ) — иногда сомнительны. Во первыхъ, авторъ — въ значительной степени моралистъ, онъ съ особенною любовью останавливается на эпизодахъ, которые могутъ дать читателю нравственный урокъ [2]), и въ этихъ видахъ, можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сгущаетъ или смягчаетъ краски; во вторыхъ, онъ переноситъ на описываемое время въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣроятно безсознательно, условія позднѣйшія, современныя его авторству. Онъ слишкомъ расположенъ къ Мономаху, рисуетъ въ его лицѣ идеалъ правды, любви, патріотизма, и даетъ ему слишкомъ первенствующую роль въ

---

[1]) Впрочемъ эти добавленія сводовъ, русскихъ и польскихъ, въ большинствѣ — просто домыслы составителей.

[2]) Такой поучительный характеръ имѣютъ, напримѣръ: разсказъ объ ужасѣ князей при вѣсти объ ослѣпленіи Василька, похвала Мономаху, разсказъ о казни Ростиславичами Давыдовыхъ бояръ (се же второе мщенье створи, его же не бяше лѣпо створити и пр.), о битвѣ на Рожни полѣ; подобныхъ примѣровъ или менѣе ясныхъ можно привести и больше.

событіяхъ, потому что смотритъ на него съ точки зрѣнія послѣдующаго времени, когда Мономахъ былъ окруженъ ореоломъ славы и популярности, былъ дѣйствительно первымъ человѣкомъ на Руси. Относительно описываемаго времени такой взглядъ, по моему мнѣнію, въ значительной степени несправедливъ: факты, сообщаемые самимъ Сказаніемъ и другими источниками, совершенно ясно показываютъ, что въ описываемыхъ событіяхъ Мономахъ далеко не игралъ такой исключительной роли. Отношенія Мономаха и Святославичей (которые въ Сказаніи стоятъ на второмъ планѣ, въ роли послушныхъ помощниковъ Мономаха) къ Святополку авторъ выводитъ изъ нравственныхъ и патріотическихъ мотивовъ: послѣдующіе факты стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ такими мотивами. Правда, замѣчали по этому поводу, что въ обществѣ мало-культурномъ нравственныя движенія не отличаются устойчивостью, проходятъ быстро, почти безслѣдно, уступая мѣсто личнымъ интересамъ [1]); положимъ, но князья, проливающіе слезы по поводу преступленія Святополка и затѣмъ награждающіе его Волынью, представляютъ все таки такую неожиданную метаморфозу, что невольно приходишь въ сомнѣніе относительно того, дѣйствительно ли нравственные мотивы имѣли такое значеніе, не возникли ли они просто изъ субъективнаго и ретроспективнаго взгляда автора. Опять таки сопоставленіе извѣстныхъ намъ фактовъ должно, по моему мнѣнію, привести къ тому выводу, что дѣйствительные мотивы, руководившіе дѣйствіями князей, были не нравственные, а политическіе, что въ современной политикѣ, въ междукняжескихъ отношеніяхъ можно найти объясненіе многихъ фактовъ этого времени, которые сами по себѣ, при томъ освѣщеніи, какое даютъ имъ источники, являются странными и неожиданными. Чтобы дать возможно справедливое объясненіе и оцѣнку разсматриваемымъ событіямъ, мы устранимъ все то, въ чемъ можетъ быть заподозрено субъективное произведеніе

---

1) Лашнюковъ. Владиміръ Мономахъ и его время, стр. 26 (въ „Пособіи къ изученію русской исторіи критическимъ методомъ. Кіевъ. 1874, раньше въ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1873 г.).

автора Сказанія, удержимъ изъ него лишь голый остовъ фактовъ и сопоставимъ полученныя такимъ образомъ данныя съ извѣстіями, очень скудными впрочемъ, другихъ источниковъ и фактами предшествующаго времени. Это сопоставленіе должно вмѣстѣ послужить и оправданіемъ высказаннаго мною взгляда на Сказаніе.

Причины, создавшія конфликтъ конца XI в., глубоко коренились въ общемъ направленіи политики русскихъ князей второй половины этого столѣтія. Политика эта характеризуется по преимуществу собираніемъ земель: эта традиція, завѣщанная предшествующимъ временемъ, долго еще жила въ періодъ удѣльно—вѣчевой и только постепенно ослабѣла и исчезла, наткнувшись на слишкомъ большія препятствія. Благодаря тому, что старшій и сильнѣйшій изъ сыновей Ярослава—Изяславъ—не годился для роли объединителя, собираніе волостей производится сначала тремя старшими Ярославичами сообща, затѣмъ является дуумвиратъ Святослава и Всеволода, который смѣняется дуумвиратомъ Изяслава и Всеволода, и наконецъ собирательною политикою занялся Всеволодъ единолично. Собравъ въ своихъ рукахъ большую половину волостей (Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Смоленскъ, Ростово-Суздальская волость, подъ конецъ еще Новгородъ) и удовлетворивъ сыновей Изяслава (имъ были предоставлены: Новгородъ, Волынь и Туровская земля, но первыя двѣ волости были потомъ ими утрачены), онъ всѣми мѣрами старается уберечь свои владѣнія отъ притязаній изгоевъ—въ этомъ содержаніе его княженія. Политика его своекорыстна и недальновидна. Одного за другимъ надѣляетъ онъ болѣе сговорчивыхъ претендентовъ: такъ, даетъ Давыду Игоревичу Дорогобужъ, потомъ Владиміръ (волынскій), Ростиславичамъ—Червенскіе города, все это на счетъ Изяславова дома, которому принадлежала Волынь; онъ же, вѣроятно, далъ Смоленскъ Давыду Святославичу; за то во чтобы то ни стало старается онъ сохранить за собою Черниговъ и устранить Олега Святославича, главнаго, энергичнѣйшаго претендента. Но эти частныя соглашенія были только палліативами, и умирая, Всеволодъ оставилъ Мономаху свою тяжбу съ племянниками не

оконченною, нерѣшенною; она возобновилась при первомъ удобномъ случаѣ—именно послѣ пораженія Святополка и Мономаха половцами въ 1093 г. Немедленно явился Олегъ съ половцами и принудилъ Мономаха очистить Черниговъ. Затѣмъ, воспользовавшись этимъ временемъ, половцы предприняли рядъ набѣговъ на пограничныя волости; эти набѣги, весьма частые и интенсивные, совершенно связывали руки Мономаху и его единственному союзнику — Святополку. При такихъ условіяхъ дальнѣйшая борьба съ Олегомъ была немыслима, и Мономахъ очень хорошо понималъ это: онъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы разорвать союзъ Олега съ половцами, установить прочныя отношенія къ нему и такимъ образомъ развязать себѣ руки для борьбы съ половцами. Съ этою цѣлью вмѣстѣ съ Святополкомъ они требуютъ, чтобы Олегъ принялъ участіе въ походѣ на половцевъ, чтобы онъ убилъ сына хана Итлара, жившаго у него; послѣ отказа—пытаются повліять на него при помощи общественнаго мнѣнія, приглашая явиться на общій совѣтъ всего населенія, „да порядъ положимъ о Русьстѣй землѣ, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ“ [1]). Послѣ новаго отказа Олега, его лишили черниговской волости, но это опять таки не устраняло затрудненій и обѣщало лишь новыя претензіи и нападенія со стороны Олега. Потому Мономахъ со Святополкомъ, отпуская Олега, берутъ съ него обѣщаніе, что онъ явится съ братомъ Давыдомъ въ Кіевъ на общій совѣтъ. Олегъ все таки не рѣшался отдаться на волю ихъ и задумалъ еще разъ добиваться силою волостей, къ тому же захватъ Мурома, совершенный въ это время сыномъ Мономаха, Изяславомъ, не могъ внушить особеннаго довѣрія къ миролюбію Мономаха. Борьба Олега съ этимъ Изяславомъ и Мстиславомъ Мономаховичемъ кончилась для него опять совершенно неудачно. Но Мономахъ желалъ только прочнаго мира и въ этомъ отношеніи былъ искрененъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Олегу. Послѣдній, наконецъ, сдался и согласился передать свое дѣло на судъ братіи; для рѣшенія его былъ созванъ съѣздъ въ Любечѣ.

---

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 222 (Ипат. лѣт., стр. 160).

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію постановленій этого съѣзда, я еще остановлюсь нѣсколько на отношеніяхъ Мономаха и Святополка. Отъ нашествія половцевъ въ 1093 г. и до любечскаго съѣзда мы видимъ ихъ въ тѣсномъ союзѣ: они помогаютъ другъ другу въ борьбѣ противъ половцевъ, а Святополкъ кромѣ того и въ борьбѣ Мономаха съ Олегомъ, хотя въ вопросѣ объ изгояхъ онъ вовсе, повидимому, не былъ заинтересованъ, такъ какъ не владѣлъ изгойскими волостями; самыя половецкія нашествія 1093—1096 гг., стоявшія, несомнѣнно, въ извѣстной связи съ борьбою Мономаха и Олега, для Святополка въ значительной степени поэтому были на чужомъ пиру похмельемъ. Какимъ образомъ возникъ этотъ союзъ, лѣтописи не объясняютъ; начался онъ помощью Мономаха Святополку въ въ 1093 г. противъ половцевъ; думаю, что Мономахъ, какъ человѣкъ умный, за помощь противъ половцевъ могъ пользоваться помощью Святополка и противъ другихъ своихъ враговъ; можетъ быть и такъ, что Святополкъ за свое содѣйствіе получилъ или имѣлъ получить какое нибудь вознагражденіе. Иное освѣщеніе этимъ отношеніямъ даетъ Татищевскій сводъ; по извѣстіямъ его, Мономахъ былъ приглашаемъ по смерти Всеволода на кіевскій столъ населеніемъ, но отказался отъ него въ пользу Святополка [1]; среди князей Святополкъ не пользовался никакимъ авторитетомъ [2], „и ежели бы Владиміръ его не охранялъ, то бъ давно Кіева Святославичами лишенъ былъ". Такимъ образомъ, по этому воззрѣнію, Святополкъ былъ обязанъ Мономаху своимъ столомъ, находился подъ его опекою и долженъ былъ, слѣдовательно, помогать ему изъ благодарности. Такой взглядъ на отношенія ихъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, находимъ потомъ у Карамзина, у Н. Полевого (Карамзинъ прямо заявляетъ, что „только сильная рука Мономаха держала его (Святополка) 20 лѣтъ на престолѣ") [3]), и въ на-

---

[1]) Исторія Россійская, т. II, стр. 146.

[2]) „Наложницу свою поялъ въ жену и тако ее любилъ, что безъ слезъ на малое время разлучиться не могъ, и много ся слушая отъ князей терпѣлъ поношеніе, а часто и вредъ съ сожалѣніемъ." (Ист. Россійск., II, стр. 211).

[3]) Исторія государ. россійск., II, стр. 84 (изд. 1842 г.). Исторія русск. народа, II, стр. 323—324.

стоящее время онъ является, можно сказать, общепринятымъ, хотя у новѣйшихъ историковъ и не высказывается съ полною опредѣленностью [1]). Но второе извѣстіе Татищева—о претензіяхъ Ольговичей, отъ которыхъ оборонялъ Мономаха Святополкъ—совершенно не согласуется съ тѣмъ, что мы достовѣрно знаемъ объ отношеніяхъ ихъ, а что касается до призванія Мономаха на столъ по смерти Всеволода, то это извѣстіе, пользующееся въ наукѣ значительнымъ довѣріемъ, если и не опровергается, то нисколько и не подтверждается разсказомъ Начальной лѣтописи, тамъ сказано просто: „Володимеръ нача размышляти река: аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко (то) есть столъ преже отца его былъ" [2]). Весьма возможно, что извѣстіе Татищевскаго свода есть тоже результатъ ретроспективнаго взгляда на Мономаха, который я выше отмѣтилъ у автора Сказанія: популярность его въ XII в. перенесъ онъ и на XI в., но популярность эта создалась главнымъ образомъ во время половецкихъ походовъ 1103—1111 гг.; для того, чтобы предполагать ее въ болѣе раннее время, мы не имѣемъ достаточныхъ основаній. Во всякомъ случаѣ, если бы даже кіевляне приглашали Мономаха на столъ въ 1093 г., для того, чтобы отклонить это предложеніе, не нужно было особеннаго великодушія, а только немного благоразумія. Святополкъ добровольно не уступилъ бы Кіева, а пріобрѣтать новаго врага, имѣя и безъ того въ тылу такого соперника, какъ Олегъ, Мономаху было вовсе не интересно. Все это я говорю къ тому, что нѣтъ основаній думать, будто Святополкъ былъ въ дѣйствительности обязанъ Мономаху и долженъ былъ помогать ему изъ благодарности. Началомъ союза ихъ было, думаю, не отреченіе Мономаха отъ Кіева, а приходъ его на помощь Святополку въ томъ же 1093 г.; въ это время, при первой встрѣчѣ, они „взяста межи собою распря и которы, и уладившася цѣловаста крестъ межи собою" [3]). Этихъ распрь и которъ никакъ

---

[1]) См. впрочемъ Русскую исторію К. Н. Бестужева-Рюмина, I, стр. 165.

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 210 (Ипат. лѣт., стр. 152). Подробнѣе объ этомъ въ моей Исторіи Кіевской земли, гл. II.

[3]) Лаврент. лѣт., стр. 211 (Ипат., стр. 153).

нельзя относить къ данному походу, какъ дѣлаютъ нѣкоторые [1]), это видно и изъ контекста [2]); предметомъ ихъ было, вѣроятно, установленіе взаимныхъ отношеній. Спорные вопросы были разрѣшены, князья уладились и цѣловали крестъ другъ другу, и затѣмъ мы видимъ Святополка дѣятельнымъ союзникомъ Мономаха.

Возвращаюсь къ любечскому съѣзду; судя по всему, онъ былъ по преимуществу дѣломъ Мономаха, который былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы установить прочныя отношенія къ прочимъ князьямъ и обезопасить свою волость отъ половцевъ; въ этомъ же направленіи долженъ былъ вліять на своего союзника и Святополкъ, волость котораго также подвергалась страшнымъ опустошеніямъ. Половецкія нападенія были выставлены и на съѣздѣ, какъ побудительный поводъ къ установленію мира (а половци землю нашу несуть розно, и ради суть, еже межю нами рати), а какъ средство, было принято распредѣленіе волостей между князьями сообразно отчинамъ: „кождо да держить отчину свою“. Отчинами для князей, правдоподобно, должны были служить надѣлы, назначенные Ярославомъ, но принципъ отчинности былъ проведенъ съ значительными ограниченіями. Только Святославичи получили свои исконныя волости—сѣверскую и муромо-рязанскую земли, Святополкъ получилъ только Кіевъ съ Туровомъ, а Новгородъ по прежнему остался во владѣніи Мономахова сына, Мстислава (послѣдній былъ посланъ туда Всеволодомъ по просьбѣ новгородцевъ, когда Святополкъ перешелъ изъ Новгорода въ Туровъ, и въ началѣ 1095 г. самовольно призванъ снова новгородцами изъ Ростова [3])—онъ имѣлъ такимъ образомъ за собою народный выборъ). Мономахъ, кромѣ Переяславля и ростово-суздальской земли, сохранилъ за собою Смоленскъ и Новгородъ. Что касается Давыда Игоревича и

---

[1]) См. напр. у Н. Полевого, II, стр. 326.

[2]) „И рѣша имъ мужи смыслении: „почто вы распря имата межи собою? а погании губятъ землю Руськую; послѣди ся уладита, а нынѣ поидита противу поганымъ любо с миромъ, любо ратью“; въ Никоновской лѣт. (Полн. собр. русск. лѣт. X, стр. 120): „послѣди смиритеся, что есть обида межи собою“.

[3]) Лавр. лѣт., стр. 221 и 266 (Ипат. лѣт., стр. 160 и 182).

Ростиславичей, то за ними были оставлены тѣ волости, какія получены ими были при Всеволодѣ—Волынь и Червенскіе города. Такимъ образомъ исходнымъ пунктомъ для утвержденія большинства волостей служило распредѣленіе ихъ при Всеволодѣ; такая постановка вопроса была выгодна только для Мономаха: очевидно, устроивъ съѣздъ, онъ съумѣлъ рѣшительно повліять и на его постановленія.

Но обдѣленные князья не могли быть довольны такимъ оборотомъ дѣла, особенно если принять предположеніе, что это распредѣленіе волостей должно было считаться окончательнымъ и онѣ, по всей вѣроятности, должны были закрѣпиться затѣмъ въ нисходящихъ линіяхъ за отдѣльными семьями [1]). Поэтому слова Сказанія объ искренности и единодушіи князей: „и на томъ цѣловаша кресть: да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси и кресть честьный; рекоша вси: да будеть нань хрестъ честный и вся земля руськая; и цѣловавшеся поидоша всвояси. И приде Святополкъ с Давыдомъ Кыеву, и ради быша людье вси, но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей“ [2])—эти слова нельзя принять съ полнымъ довѣріемъ; едва ли это не литературный пріемъ, не антитеза, имѣющая цѣлью ярче оттѣнить контрастъ взаимныхъ цѣлованій и послѣдующаго ослѣпленія. Самыя постановленія любечскаго съѣзда заключали въ себѣ поводы для послѣдующаго столкновенія [3]). Особенно имѣли поводы быть недовольными Давыдъ Игоревичъ и Святополкъ; первый долженъ подѣлиться своею отчиною съ Ростиславичами, второй—съ Мономахомъ, отъ котораго, можетъ быть, ожидалъ напротивъ уступокъ за помощь противъ Олега; что потеря Новгорода, исконнаго аннекса Кіева, была ему очень чувствительна, это показываютъ его позднѣйшія попытки возвратить его. И то стремленіе къ возвращенію и закрѣпленію

[1]) Такого мнѣнія о любечскихъ постановленіяхъ держится проф. Сергѣевичъ (Вѣче и князь, стр. 321—2) и оно, мнѣ кажется, подтверждается историческими фактами, особенно позднѣйшими отношеніями Мономаха къ Святославичамъ, съ одной стороны, и Ярославу Святополковичу, съ другой.

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 247—8 (Ипат. лѣт., стр. 167—8).

[3]) Это замѣтилъ уже Полевой въ своей Исторіи русск. нар., II, стр. 344.

отчинъ, которое породило всю предшествующую борьбу изгоевъ и совершенно ясно обозначилось въ постановленіяхъ любечскаго съѣзда, руководитъ и послѣдующими дѣйствіями Давыда и Святополка. На первыхъ порахъ они выступили союзниками, но союзъ этотъ не былъ прочепъ: Волынь была отчиною имъ обоимъ, Давыду—по Ярославлю дѣленію, Святополку—какъ владѣніе его отца и затѣмъ брата Ярополка; въ этомъ лежала возможность коллизіи.

Вѣроятно, уже на съѣздѣ выяснились княжескія отношенія, но Мономахъ успѣлъ задержать на время объединеніе недовольныхъ—иначе распредѣленіе волостей вышло бы, вѣрно, значительно иное. Сближеніе недовольныхъ произошло немедленно послѣ съѣзда; Святополкъ возвращался съ него вмѣстѣ съ Давыдомъ, и послѣдній сообщилъ ему свое открытіе: будто Мономахъ вступилъ въ заговоръ съ Василькомъ противъ Святополка и Давыда, съ цѣлью захвата волостей; Мономахъ долженъ былъ получить Кіевъ, а Василько—Волынь, Погорину [1]) и туровскую волость [2]). По словамъ Сказанія, Давыду сообщили объ этомъ „нѣкоторые мужи“ его, которые и поплатились потомъ, а Давыдъ только „ялъ вѣру лживымъ словамъ“. Конечно, мы не можемъ опредѣлить, насколько справедливо это утвержденіе и что̀ въ дѣйствительности принадлежало Давыду, а что̀ его мужамъ. Весьма вѣроятно, что и раньше существовало недовѣріе, соперничество между Давыдомъ и Ростиславичами, какъ раньше между Ростиславичами и Ярополкомъ: сидя по сосѣдству, да еще въ земляхъ, не такъ давно составлявшихъ одну владимірскую волость, они не могли обойтись безъ этого. Мы знаемъ, что Василько въ это время занимался обширными военными приготовленіями—эти приготовленія должны были очень безпо-

---

[1]) Погорина, область по среднему теченію р. Горыни, весьма долго занимала межеумочное положеніе между кіевскою землею и Волынью; подробнѣе о ней въ Исторіи кіевской земли, стр. 3, 14—15.

[2]) Такъ передаетъ это сообщеніе Святополкъ Мономаху и Святославичамъ въ Сказаніи (Лаврент. лѣт., стр. 253, Ипат., стр. 172); сходныя слова вкладываетъ авторъ и въ уста Давыду относительно Василька (Лаврент., стр. 249, Ипат., стр. 168).

коить Давыда [1]). Поэтому и безъ наговора своихъ мужей Давыдъ имѣлъ поводы искать средствъ къ тому, чтобы обезпечить себя отъ опаснаго сосѣда. Охлажденіе между Святополкомъ и Мономахомъ, которое должно было обнаружиться во время любечскаго съѣзда, дало возможность Давыду пріобрѣсть союзника и приступить къ болѣе энергическимъ мѣрамъ противъ Василька. Его сообщеніе Святополку, какъ оно передается въ Сказаніи (эта передача не возбуждаетъ противъ себя подозрѣній) составлено очень искусно: чтобъ заинтересовать Святополка, претензіи Василька распространены не только на Волынь, но и на Погорину и туровскую волость Святополка, и въ союзники его приданъ Мономахъ, въ качествѣ претендента на Кіевъ. Сказаніе категорически утверждаетъ, что это сообщеніе было клеветою [2]). Что Мономахъ не имѣлъ въ виду отнимать Кіева у Святополка, это болѣе, чѣмъ вѣроятно: подобный образъ дѣйствій былъ не въ его характерѣ. Но что онъ, замѣтивъ неудовольствіе Святополка, могъ сблизиться съ Василькомъ, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, и такое сближеніе (скорѣе оборонительнаго характера, чѣмъ наступательнаго) могло, пожалуй, возбудить толки и подозрѣнія среди присутствовавшихъ на съѣздѣ. Чтобы подѣйствовать на Святополка вѣрнѣе, Давыдъ сталъ еще обвинять Василька, будто онъ убилъ или, вѣроятнѣе, участвовалъ въ убійствѣ брата Святополка—Ярополка [3]), и совѣтовалъ схватить Ва-

---

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 256—257 (Ипат. лѣт, стр. 174; ср. у Соловьева, II, стр. 52.

[2]) „А Василко сего не вѣдяше, ни Володимеръ, Лавр. лѣт., стр. 248 (Ип. лѣт., стр. 168).

[3]) Вопросъ объ этомъ убійствѣ (Лавр. лѣт., стр. 199—200, Ипат. лѣт., стр. 144—145) — очень темный. Обыкновенно полагаютъ, что подозрѣвали въ участіи въ этомъ убійствѣ Рюрика Ростиславича, къ которому бѣжалъ убійца; но были въ ученой литературѣ попытки доказать, что истиннымъ виновникомъ убійства Ярополка былъ самъ Давыдъ Игоревичъ, пожавшій плоды его (ему достался владимірскій столъ по смерти Ярополка), и что обвиненіе въ убійствѣ Василька есть выдумка Давыда („Смерть Ярополка Изяславича“ — въ Современникѣ, т. XVI, отд. II, стр. 29—32, также Исторія галицко-русск княжества Зубрицкаго, II, стр. 27, Владиміръ Мономахъ И. В. Лашнюкова, стр. 8); возраженія, см. у Соловьева (II, стр. 30—31). Наоборотъ, Погодинъ въ своемъ Хронологическомъ указателѣ (стр 67) категорически приписываетъ присылку убійцы Ростиславичамъ. Можетъ быть,

силька [1]). Но Святополкъ не рѣшался; поимка или убійство Василька не представляли для него выгоды и отвлекали его отъ дѣйствительныхъ его интересовъ, отъ истиннаго его соперника— Мономаха; ему опять грозило на чужомъ пиру похмелье; при томъ рискъ былъ слишкомъ великъ: Давыдъ былъ единственсоюзникомъ Святополка, пока отношенія съ Святославичаминымъ не были улажены; однако, какъ человѣкъ слабохарактерный, онъ въ концѣ концовъ подпалъ вліянію Давыда; Василько былъ завлеченъ и схваченъ. Но прежде какихъ либо рѣшительныхъ дѣйствій Святополкъ считалъ необходимымъ заручиться поддержкою кіевскаго населенія; созвавъ вѣче, онъ сообщилъ ему извѣстіе о заговорѣ, но „бояре и людье“ дали отвѣтъ очень уклончивый: если Василько виноватъ, то, конечно, его слѣдуетъ наказать, если Давыдъ лжетъ, пусть его Богъ судитъ, дѣло это ваше, рѣшайте, какъ знаете—такой, въ сущности, смыслъ имѣютъ слова, влагаемыя въ уста вѣчу Сказаніемъ [2]): населеніе не настолько дорожило личностью Святополка, чтобы связывать себя въ его интересахъ какими либо обязательствами. Между тѣмъ духовенство (игумены) рѣшительно стало ходатайствовать за Василька, Святополкъ готовъ былъ уступить, но новыя настоянія Давыда взяли свое: Василько былъ отвезенъ въ Звенигородъ [3]) и ослѣпленъ (7 ноября 1097 г.); затѣмъ его въ без-

---

Давыдъ сообщилъ Святополку какія нибудь подробности, бросавшія тѣнь на Ростиславичей и неизвѣстныя Святополку, такъ какъ послѣдняго въ моментъ смерти брата не было на югѣ—онъ былъ въ Новгородѣ.

[1]) Татищевъ (II, стр. 172) замѣчаетъ: „и какъ на Владимира силы его ради и любви въ народѣ ничего начать не смѣли, то стали совѣтовать о Василькѣ“. По затрогивать Мономаха было и не въ интересахъ Давыда.

[2]) „Тобѣ, княже, достоитъ блюсти головы своее, да аще есть право молвилъ Давыдъ, да приимет Василько казнь, аще ли не право глагола Давыдъ, да приимет месть отъ Бога и отвѣчаеть предъ Богомъ“ (Лавр. лѣт., стр. 250, Ипат. лѣт. стр. 169—70).

[3]) Звенигородъ—въ Ипатск. лѣт. (стр. 170) и у Длугоша (l. IV, p. 326—Zmigrod), въ Лаврент., Никоновск., Воскресенск. (въ послѣдней однако проскользнулъ Звенигородъ вмѣсто Звиждия—П. с. р. л., VII, стр. 13)—Бѣлгородъ. М. А. Максимовичъ справедливо указалъ, что читаемое въ лѣтописи поясненіе: „иже градъ малъ у Киева яко 10 верстъ в дале“ не идетъ къ Бѣлгороду, городу извѣстному, при-

чувственномъ состояніи уложили на телѣгу и повезли по владимірской дорогѣ; на шестой день онъ былъ уже во Владимірѣ.

По словамъ Сказанія вѣсть объ этомъ произвела потрясающее дѣйствіе на князей: Мономахъ „ужасеся и всплакавъ и рече: сего не было есть в Русьскѣй земьли ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла. И ту абье посла к Давыду и к Олгови Святославичема, глаголя: поидѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се в Русьскѣй земли, оже вверже в ны ножь; да аще сего не правимъ, то большее зло встанеть в насъ и начнеть братъ брата закалати, и погыбнеть земля Русьская и врази наши, Половци, пришедше возмуть землю Русьскую. Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велми и плакастася, рекуща: яко сего не было в родѣ нашемь. И ту абье собравша воѣ, придоста к Володимеру", и всѣ вмѣстѣ двинулись къ Кіеву[1]). Итакъ въ Сказаніи—порывъ, непосредственное дѣйствіе негодованія; Мономахъ—блюститель интересовъ братьи и Русской земли, хозяинъ Русской земли, которому послушно повинуются Святославичи. Но обращаясь къ погоднымъ записямъ Начальной лѣтописи, находимъ извѣстіе объ этомъ походѣ уже подъ слѣдующимъ 6606 г. [2]), слѣдовательно онъ случился не раньше марта или по крайней мѣрѣ незадолго до марта 1098 г. Если теперь сопоставить съ этимъ нѣкоторыя данныя, сообщаемыя Сказаніемъ, то выходитъ, что походъ этотъ случился именно, надо думать, въ самомъ началѣ февраля или концѣ января: передъ началомъ великаго поста („яко

томъ отстоящему дальше отъ Кіева (Собраніе сочиненій, II, стр. 320). Звенигородъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Сиракова городища у с. Хотова,—см. рефератъ В. Б. Антоновича въ „Чтеніяхъ общества Нестора", кн. I, стр. 37. Василька увезли, какъ видно, ночью, немедленно по ослѣпленіи, и на обѣдъ поспѣли въ Звиждень; отъ Сиракова городища до нынѣшняго села Здвижки по прямой линіи около 80 верстъ.

1) Лаврент. лѣт., стр. 252—3, Ипат., стр 171.

2) „Приде Володімеръ, и Давыдъ и Олегъ на Святополка и сташа у Городца, и створиша миръ". Лавр. лѣт., стр. 263, Ипат, стр. 179. Городецъ съ наибольшею вѣроятностью пріурочивается къ замчищу у с. Вигуровщины, за Днѣпромъ у Кіева, см. спеціальную работу г. Гошкевича—Дворецъ кн. Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ. Кіевъ. 1890 г., стр. 20 сл.

приблнжися постъ великый“) 1098 г. [1]) во Владимiръ, гдѣ Давыдъ держалъ въ заключенiи Василька, дошелъ слухъ, что Мономахъ и Святополкъ идутъ па Давыда [2]). Такой слухъ могъ явиться только послѣ похода князей къ Кiеву: раньше, конечно, никому не пришло бы въ голову, что Святополкъ выступитъ въ роли мстителя за Василька, а Мономахъ—въ роли его союзника; слухъ этотъ, очевидно, былъ недоразумѣнiемъ и ему естественнѣе всего было явиться немедленно за соглашенiемъ князей, пока условiя его не были хорошо извѣстны. Свидѣтельство современной событiю записи, притомъ находящей себѣ подтвержденiе въ самомъ Сказанiи, заслуживаетъ, конечно, большаго довѣрiя, чѣмъ разсказъ Сказанiя; послѣднiй имѣетъ цѣлью дать эффектную картину всеобщаго ужаса предъ преступленiемъ и въ жертву эффекту авторъ принесъ историческую точность [3]).

Такимъ образомъ походъ князей на Святополка является отдѣленнымъ отъ ослѣпленiя Василька тремя мѣсяцами, хотя извѣстiе объ ослѣпленiи должно было донестись въ Переяславль и Черниговъ уже черезъ нѣсколько дней [4]). Какъ прошли эти

---

[1]) Пасха въ 1096 г. была 28 марта (Арцыбашевъ. Два съѣзда князей, стр. 261), слѣдовательно сыропустъ—7 февраля. Переговоры могли затянуться, поэтому извѣстiе попало подъ 1098 мартовскiй годъ.

[2]) Лаврент., стр. 255 (Ипатск., стр. 173)

[3]) Г. Хрущовъ замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „потребность отдохнуть на Мономахѣ, послѣ разсказа о гнусномъ дѣлѣ, потребность представить Владимiра защитникомъ праваго дѣла - вотъ что заставило автора прямо съ осени перенестись къ событiю весеннему и потомъ возвратиться къ продолженiю своего разсказа. Такое отступленiе отъ хронологiи ясно говоритъ за то, что сказанiе было вполнѣ независимо отъ лѣтописи“. (Чтенiя с. 56).

[4]) На это обратилъ вниманiе уже Карамзинъ (II, пр. 186); чтобы объяснить это промедленiе, онъ предполагалъ, что Мономахъ былъ задержанъ набѣгомъ половцевъ, о которомъ говоритъ въ Поученiи (Лавр., стр. 241): „и тогда же Торци придоша ко мнѣ ис Половець Читѣевичи, идохомъ противу нимъ на Сулу“, но предшествующее: „с Давыдомъ смирившеся“... относится, вѣроятно, къ примиренiю съ Давыдомъ Святославичемъ въ 1096 г., къ тому же приблизительно времени относится, вѣроятно, и походъ. Во всякомъ случаѣ важно то, что походъ князей на Святополка не былъ такимъ непосредственнымъ движенiемъ, какимъ его представляетъ Сказанiе. Послѣдующiе историки часто не обращали на это вниманiя и вслѣдъ за Сказанiемъ говорили о немедленномъ походѣ (наприм. Соловьевъ, II, стр. 55, Ко-

нѣсколько мѣсяцевъ, мы, конечно, не можемъ знать, но можемъ замѣтить, что Мономаху, который вовсе не былъ тогда хозяиномъ въ Русской землѣ, и недавно еще не на животъ, а на смерть боролся со Святославичами, вѣроятно, нужно было время для того, чтобы превратить враждебныя отношенія въ союзныя.

Походъ князей, слѣдовательно, не былъ непосредственнымъ движеніемъ чувства, а результатомъ болѣе хладнокровныхъ соображеній. Какую же цѣль имѣли въ виду князья, идя на Святополка „поправити сего зла"? Позже мы встрѣчаемъ въ устахъ князей, какъ правовую норму, положеніе, что князь за проступокъ лишается волости: „оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь у голову" [1]; Давыдъ Игоревичъ въ концѣ концовъ былъ дѣйствительно лишенъ волости; *по виду*, и относительно Святополка князья имѣли такое же намѣреніе. Но выгнать Святополка—это значило вызвать новую борьбу, возобновить съ новой силой всѣ тѣ неурядицы, которыя съ такимъ трудомъ удалось прекратить любечскимъ съѣздомъ. Мономахъ едва ли могъ желать этого. Себѣ взять Кіевъ въ данныхъ обстоятельствахъ онъ не могъ: положеніе его еще не было достаточно авторитетно и прочно; отдать его Олегу Святославичу, старѣйшему послѣ Святополка,—выигрышъ болѣе чѣмъ сомнительный. Мотивъ у Мономаха въ дѣйствительности былъ, вѣроятно, иной. До него должно было дойти извѣстіе о союзѣ Святополка и Давыда, равно какъ и то, что союзъ этотъ былъ направленъ не только противъ Василька, но и противъ него самого [2]; и это извѣстіе должно было его встревожить: Мономаху приходилось опасаться враждебныхъ дѣйствій со стороны союзниковъ, поводы для того существовали, и Мономахъ, вѣроятно, это сознавалъ; между тѣмъ онъ былъ одинокъ; примиреніе со Свято-

---

стомаровъ, Русск. ист. въ жизнеоп., I, стр. 51, изд. 1888 г., Иловайскій. Исторія Россіи, I, стр. 131); у Погодина въ Хронолог. указат. (стр. 54—5) созывъ князей Мономахомъ поставленъ подъ 1097 г., а походъ ихъ къ Кіеву — подъ 1098 (январьскимъ).

[1]) Ипат. лѣт., стр. 409.

[2]) О заговорѣ Мономаха Святополкъ заявлялъ по Сказанію на вѣчѣ; такъ или иначе, Мономахъ навѣрно хорошо зналъ, что дѣлается въ Кіевѣ, у Святополка.

славичами было слишкомъ свѣжо, чтобъ на него можно было разсчитывать, и перспектива борьбы со Святополкомъ ему, вѣроятно, не улыбалась. Разстроить этотъ новый союзъ, смирить Святополка, заставить его отказаться отъ претензій, подчинить его снова своему вліянію—вотъ что, вѣроятно, было истинною цѣлью Мономаха, когда онъ сближался со Святославичами и устраивалъ походъ на Кіевъ. Какими доводами привлекъ онъ къ участью Святославичей, мы не знаемъ; вѣроятно онъ успѣлъ убѣдить ихъ, что новый союзъ и для нихъ опасенъ [1]).

Собравъ войска, Мономахъ и Святославичи сошлись у Городца. Предварительно послали они пословъ къ Святополку, укоряя его, что онъ не передалъ дѣла на общій судъ, а расправился самоправно [2]). Святополкъ сваливалъ вину на Давыда, который наговорилъ ему, оправдывался: „и не язъ его ослепилъ, но Давыдъ, и велъ и к собѣ“. Это было совсѣмъ жалкое оправданіе, и послы отвѣчали, что это пустая отговорка, потому что Василько ослѣпленъ въ городѣ Святополка; можемъ прибавить еще, что, по Сказанію, изъ трехъ исполнителей ослѣпленія двое были служители Святополка. Князья послѣ этого стали готовиться къ переправѣ. Святополкъ оробѣлъ: кіевляне не обнаружили намѣренія поддержать его, Давыдъ, повидимому, тоже не подалъ помощи, и онъ собрался было бѣжать изъ Кіева [3]). Но тутъ вмѣшалось кіевское земство; ставъ въ положеніе верховнаго распорядителя земли, вѣче удержало Свято-

---

[1]) Татищевъ (II, стр. 178), довольно неправдоподобно, замѣчаетъ по этому поводу, что Святославичи, „вѣдая на себя Святополкову тайную злобу, болѣе другихъ зла отъ него, наипаче когда онъ съ Владиміромъ былъ въ согласіи, опасались“.

[2]) По свидѣтельству Татищевскаго свода, „Олегъ, властолюбіемъ разжигаемъ“ настаивалъ на немедленномъ изгнаніи Святополка, „надѣяся себѣ по старѣйшинству, а не по достоинству престолъ достать“, но Давыдъ Святославичъ настоялъ на томъ, чтобы сначала попросить объясненія у Святополка (Ист. Рос., II, стр. 178). Эта подробность очень сомнительна и не согласуется съ общимъ образомъ дѣйствій Олега; можетъ быть, этотъ неудачный домыслъ, или недоразумѣніе, Татищева далъ поводъ къ уже приведенному выше замѣчанію его, что Святославичи хотѣли Святополка лишить стола, но Мономахъ его оберегалъ.

[3]) По Длугошу (l. IV, p. 327)—къ половцамъ.

полка и отрядило митрополита Николу и княгиню Анну[1]), мачеху Мономаха, къ союзникамъ съ просьбою не губить Русской (т. е. кіевской) земли, отложить усобицу и обратить соединенныя силы противъ половцевъ. Каковы бы ни были намѣренія союзниковъ, просьба кіевскаго населенія, выраженная черезъ такихъ авторитетныхъ, умно выбранныхъ представителей, должна была быть уважена: Мономахъ былъ вообще очень чутокъ и внимателенъ къ общественному мнѣнію, а Святославичи сами по себѣ не могли выступить активно. По Сказанію, Мономахъ опять восплакалъ, „рече: по истинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хочемъ погубити и преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю акы матерь, и митрополита такоже чтяше, санъ святительскый, и не преслуша молбы его“. Князья повели дипломатическую пересылку между собою и окончательно рѣшили такъ: „се Давыдова сколота; то иди ты Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и; Святополкъ же емъся по се, и цѣловаша крестъ межи собою, миръ створше“[2]).

Образъ дѣйствій князей, какъ онъ представленъ въ Сказаніи, является очень страннымъ, если принять, что союзники, идя на Святополка, руководились негодованіемъ на преступленіе и желаніемъ „поправити сего зла“. Объ участіи Давыда въ ослѣпленіи князья должны были знать заранѣе; ничего особеннаго въ свое оправданіе Святополкъ во время послѣднихъ пересылокъ сказать не могъ: виновность его была очевидна, факты были на лицо. И князья не только не принимаютъ какихъ либо карательныхъ мѣръ относительно Святополка (чему не препятствовало и вмѣшательство кіевскаго вѣча), но, поручая ему схватить или прогнать Давыда, они тѣмъ самымъ отдаютъ въ его власть Волынь, потому что она, сдѣлавшись вакантною, по принципу, выставленному на любечскомъ съѣздѣ, должна была перейти не къ кому иному, какъ къ Святополку, какъ его отчина. О Василькѣ въ описаніи переговоровъ нѣтъ и рѣчи,

---

[1]) Анною называютъ княгиню Всеволожу Никоновск. лѣт. (П. с. р. л. IX. стр. 132) и Татищевъ (II, стр. 180).

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 253—5. Ипат., стр. 171—173.

хотя онъ еще находился въ плѣну у Давыда: князья-мстители вовсе не заботятся о немъ, и только благодаря своему брату Василько былъ потомъ освобожденъ. Между тѣмъ съ точки зрѣнія политическихъ соображеній все это легко объясняется: Мономахъ попугалъ Святополка и разстроилъ угрожавшій ему союзъ: подавъ надежду на Волынь, онъ обратилъ Святополка противъ его недавняго союзника—Давыда. Если принять, что Мономахъ съ самаго начала не имѣлъ намѣренія сгонять Святополка, и походъ къ Кіеву былъ лишь демонстраціей, то посольство кіевлянъ было очень кстати, дало ему благовидный поводъ отъ угрозъ перейти къ уступкамъ. Достигъ ли Мономахъ второй половины предполагаемой цѣли, смирилъ ли онъ и подчинилъ себѣ Святополка? Можетъ быть да, а можетъ быть и нѣтъ; дѣло въ томъ, что вскорѣ мы видимъ Святополка въ союзѣ съ Святославичами—обстоятельство очень важное, ибо оно дало прочное положеніе Святополку; какъ произошло это сближеніе, мы не знаемъ; союзъ Святославичей съ недавнимъ врагомъ Мономахомъ едва ли отличался искренностью, и разстроить его Святополку было, вѣроятно, не трудно. Если этотъ поворотъ въ политикѣ начался еще во время самихъ переговоровъ подъ Кіевомъ, что возможно, то Святополку нечего было особенно робѣть передъ Мономахомъ и добиваться его расположенія. Во всякомъ случаѣ позже Святополкъ держитъ себя относительно Мономаха вполнѣ независимо.

Василько, какъ упомянуто, находился въ то время въ плѣну у Давыда. Когда во Владиміръ дошли слухи, будто Мономахъ со Святополкомъ собираются на Давыда, послѣдній обратился къ посредничеству Василька, прося его повліять на Мономаха, чтобы онъ не предпринималъ этого похода. Василько обѣщалъ, но неизвѣстно, посылалъ ли онъ дѣйствительно посланца, и имѣло ли это какое нибудь вліяніе [1]). Передъ Пасхою

[1]) Своды Воскресенскій (П. с. р. л., VII, стр. 15), Софійскій (I, стр. 182, изд. П. М. Строева), Тверской (П. с. р. л. XV, стр. 186), Татищевскій (II, стр. 184) говорятъ, что Василько послалъ пословъ къ Мономаху, и послѣдній вслѣдствіе этого вернулся со Святополкомъ. Это извѣстіе (принятое Арцыбашевымъ—Повѣствов. о Россіи, I, кн. 2, пр. 303 и раньше, въ статьѣ Два съѣзда князей—Вѣ-

1098 г. Давыдъ предпринялъ походъ съ цѣлью захватить волость Василька (теребовльскую), но у Бужска [1]) встрѣтилъ его Володарь; захваченный врасплохъ, Давыдъ выпросилъ себѣ пропускъ, обѣщавъ освободить Василька; это было исполнено, и противники примирились. Такимъ образомъ надежды Давыда—объединить волынскія волости не сбылись. Наоборотъ, сами Ростиславичи предприняли вслѣдъ за тѣмъ походъ уже на волость Давыда—сожгли Всеволожъ [2]) и подступили ко Владиміру; впрочемъ, судя по Сказанію, они не имѣли въ виду, какъ и позже, во время борьбы со Святополкомъ, территоріальныхъ пріобрѣтеній и ограничились мщеніемъ. По требованію ихъ были выданы двое Давыдовыхъ бояръ—Лазарь и Василь, виновники ослѣпленія Василька (ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ се зло) и казнены, а третій—Турякъ—успѣлъ бѣжать въ Кіевъ. Ростиславичи удовольствовались этимъ и ушли [3]).

Святополкъ не вмѣшался въ эту борьбу. Получивъ полномочіе на пріобрѣтеніе Волыни, онъ повелъ дѣло не торопясь, осторожно. Неудача Давыда въ борьбѣ съ Ростиславичами дала ему, вѣроятно, первый толчекъ къ приготовленіямъ [4]). Онъ заручился поддержкою Святославичей, снесся съ Ростиславичами и польскимъ в. кн. Владиславомъ Германомъ, своимъ родственникомъ по матери [5]); Ростиславичамъ Святополкъ, по словамъ Сказанія, объявилъ, что не имѣетъ никакихъ видовъ на ихъ

стникъ Европы 1823, XII, стр. 261), есть, вѣроятно, домыслъ, притомъ неудачный. По Сказанію, Владиміръ вовсе и не собирался итти на Давыда. Вѣроятнѣе всего, что (Василько), размолвившись съ Давыдомъ изъ-за Кулмѣя, котораго Василько хотѣлъ послать къ Мономаху, а Давыдъ не согласился, Василько вовсе не посылалъ никого къ Мономаху. Иначе Давыдъ долженъ былъ бы въ благодарность отпустить Василька и о такомъ нарушеніи этого обѣщанія авторъ Сказанія, вѣроятно, упомянулъ бы.

[1]) Теперь мѣстечко Captain Бускъ въ Галиччинѣ на З. Бугѣ.

[2]) Мѣстонахожденіе его неизвѣстно—см. Ист. волынск. земли г. Андріяшева, стр. 57.

[3]) Лаврент. лѣт., стр. 255—59 (Ипат., стр. 173—6).

[4]) Это прямо утверждаетъ Татищевскій сводъ (II, стр. 187).

[5]) Объ этомъ родствѣ см. у г. Линниченка, Взаимныя отношенія Руси и Польши, I, стр. 52.

волости и цѣловалъ на томъ крестъ [1]). Раннею весною [2]), уже 1099 г.—Святополкъ отправился къ Берестью, на свиданіе съ Владиславомъ. Давыдъ, услышавъ объ этомъ, также отправился „в Ляхы", искать помощи. Свиданіе произошло на берегу З. Буга [3]); Владиславъ, получивъ отъ обоихъ искателей богатые дары, принялъ сторону Святополка, хотя реальной помощи не оказалъ и ему. „Сотворивши совѣтъ" съ поляками, Святополкъ пошелъ въ Пинскъ и отсюда послалъ „по воѣ", затѣмъ отправился въ Дорогобужъ и, дождавшись здѣсь войскъ, двинулся на Давыда ко Владиміру; очевидно, къ Берестью ходилъ онъ налегкѣ; въ дальнѣйшемъ разсказѣ видимъ у него ополченіе Туровской земли, а къ Дорогобужу ходилъ онъ (что было вовсе не по дорогѣ ко Владиміру), вѣроятно, на встрѣчу войскамъ, шедшимъ къ нему изъ Кіевской области. Давыдъ былъ осажденъ во Владимірѣ и послѣ семинедѣльной осады, не получивъ отъ поляковъ обѣщанной помощи, „поча молитися: пусти мя изъ града"; вѣроятно, онъ отступился отъ своей волости, и на томъ цѣловали крестъ. Выпущенный изъ города Давыдъ отправился въ Червень, а оттуда „в ляхы" [4]).

Завладѣвъ волостью Давыда, Святополкъ заблагоразсудилъ прихватить и остальную часть своей отчины: „нача думати на

---

[1]) Лавр. лѣт., стр. 260 (Ипат. стр. 177).

[2]) Осада Владиміра Святополкомъ начата была въ половинѣ февраля, такъ какъ продолжалась семь недѣль и окончилась въ великую субботу—9 апрѣля (см. у Карамзина, II, пр. 188). Осадѣ предшествовало путешествіе къ Берестью и сборъ войскъ, такъ что изъ Кіева Святополкъ отправился не позже начала февраля. Въ погодныхъ записяхъ походъ его отнесенъ къ 6607 г. (Лавр. лѣт., стр. 263, Ипат. стр. 179).

[3]) Что этому свиданію еще раньше предшествовали сношенія Святополка съ Владиславомъ, это нужно заключить и изъ обстоятельствъ, а также изъ словъ поляковъ Давыду въ Сказаніи: „поиди с нами Берестью, яко се вабить ны Святополкъ на снемъ". Татищевъ сообщаетъ разныя подробности этого свиданія, пиры и пр.; по его словамъ, поляки обѣщали Святополку выдать Давыда, если онъ бѣжитъ къ нимъ; при этомъ же рѣшено было выдать дочь Владислава—Сбыславу за Ярослава Святополковича (Ист. Рос. II. с. 187—8). Объ этихъ сношеніяхъ съ поляками см. у г. Линниченка, Взаимн. отнош. I. с. 132—134.

[4]) Лаврент. лѣт. стр. 259—260 (Ипат. лѣт. стр. 176). По словамъ Татищева (II с. 188), Давыдъ, сдаваясь, выговорилъ себѣ Червень у Святополка; это, вѣроятно, опять таки его догадка.

Володаря и Василька, глаголя: яко се есть волость отца моего и брата“. Дѣйствительно, Изяславъ, а послѣ его смерти—Ярополкъ, владѣя Волынью, владѣли и городами Ростиславичей, пока Всеволодъ не выдѣлилъ ихъ въ отдѣльную волость; такимъ образомъ Святополкъ имѣлъ полное основаніе считать ихъ своею отчиною. „Надѣяся на множество вой“, Святополкъ двинулся на Ростиславичей, преступивъ крестное цѣлованіе; съ нимъ были его сыновья—Мстиславъ и Ярославъ, двое племянниковъ—сыновья убитаго Ярополка Изяславича, и сынъ Давыда Святославича—Святоша. Но правое дѣло взяло верхъ, Святополкъ былъ разбитъ на Рожнѣ полѣ [1]); оставивъ на Волыни сыновей, онъ отправился въ Кіевъ, желая, можетъ быть, собрать новыя силы [2]), и уже больше не принималъ личнаго участія въ войнѣ [3]). Одинъ изъ сыновей его, Мстиславъ, остался во Владимірѣ, а Ярославъ отправился къ угорскому королю—просить помощи противъ Ростиславичей. Между тѣмъ общій врагъ сблизилъ Ростиславичей съ Давыдомъ, который вернулся изъ Польши. Давыдъ отправился за помощью къ половцамъ и вернулся со знаменитымъ Бонякомъ. У Перемышля произошла битва съ Ярославомъ и его уграми. Угры потерпѣли совершенное пораженіе, и Ярославъ черезъ Польшу бѣжалъ въ Туровскую волость [4]). Давыдъ тогда принялся отвоевывать свои вла-

---

[1]) Мѣстность эта, какъ видно изъ разсказа Лав. л. подъ 1144 г., находилась у верховья р. Серета, но ближе неизвѣстна—см. Барсова Геог. нач. л. с.118 и 290, изд. 1865г.

[2]) Такъ объясняетъ это Длугошъ (р. 329).

[3]) Если разсказъ Печерскаго Патерика о св. Прохорѣ и конфискаціи соли Святополкомъ пріуроченъ вѣрно, то можно сдѣлать предположеніе, что эта афера съ солью и вызванное ею неудовольствіе народа удержали Святополка въ Кіевѣ. По свидѣтельству Патерика, соль вздорожала, „егда же Святополкъ съ Давыдомъ Игоревичемъ рать зачаста про Василькову слѣпоту, его же ослѣпи Святополкъ, послушавъ Давыда Игоревича, с Володаремъ и съ самѣмъ Василкомъ“ (Патерикъ въ „Памятникахъ рус. литер. XII и XIII в.“ изд. г. Яковлевымъ с. 154). Тутъ, вѣроятно, напутано переписчикомъ. Изъ Сказанія неизвѣстно, чтобы Святополкъ въ союзѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ велъ войну съ Ростиславичами, да и строй рѣчи странный (рать зачаста про Василкову слѣпоту . . . . съ Василкомъ), выходитъ какая-то иронія, которую трудно допустить въ этомъ памятникѣ.

[4]) По Сказанію, въ битвѣ участвовало на сторонѣ Ростиславичей—400 чел., а угровъ—100 тысячъ, цифра, конечно, преувеличенная; у Длугоша угровъ—восемь тысячъ (р. 329).

дѣнія. Началась упорная осада Владиміра. Мстиславъ былъ убитъ во время одного изъ приступовъ (12 іюня 1099 г.)[1]; гарнизонъ не рѣшился сдаться и, утаивъ смерть Мстислава отъ населенія, далъ знать Святополку[2]). Святоша, сидѣвшій въ Луцкѣ (этотъ городъ былъ, очевидно, отданъ ему Святополкомъ за оказанную помощь[3]), принужденъ былъ подчиниться Давыду и цѣловалъ крестъ къ нему. Помощь присланная Святополкомъ, подъ начальствомъ тысяцкаго Путяты, отбила Давыда отъ Владиміра: воины Путяты захватили его врасплохъ, одновременно напали владимірскій гарнизонъ и Святоша. Давыдъ снова прибѣгнулъ къ помощи Боняка; сначала приступили къ Луцку: Святоша очистилъ городъ и ушелъ въ Черниговъ, затѣмъ напали на Владиміръ. Посадникъ Святополка Василь (Путята еще раньше вернулся въ Кіевъ) покинулъ городъ и бѣжалъ; это было, вѣроятно, въ концѣ лѣта или началѣ осени 1099 г. Такъ попытка Святополка завладѣть Волынью окончилась совершенною неудачею[4]).

Съ концомъ волынской компаніи прекращается разсказъ Сказанія; авторъ его прибавляетъ только нѣсколько словъ объ окончательномъ рѣшеніи вопроса. По другимъ источникамъ мы

---

[1]) Лавр. с. 263 (Ипат. с. 180).

[2]) Затруднительно рѣшить, кто были „людье“, просившіе помощи у Святополка, и „гражане“ (ниже, въ разсказѣ о приходѣ Путяты подъ Владиміръ) — Святополковъ гарнизонъ или владимірское населеніе? Вѣроятнѣе, что эти „людье“, боявшіеся „да аще ся вдамы, Святополкъ погубитъ ны вся“ и противополагающіе себя другимъ „людямъ“, собирающимся сдать городъ, и эти „гражане“, такъ усердно сѣкущіе „воѣ Давыдовы“, были гарнизономъ Святополка (ср. Андріяшева ор. с. с. 114), но г. Хрущовъ, напримѣръ, видитъ здѣсь владимірцевъ (Чтенія с. 57).

[3]) Г. Андріяшевъ (ор. с. с. 36) категорически утверждаетъ, что Святоша только стоялъ съ войскомъ, а не владѣлъ Луцкомъ, но это, по моему, невѣроятно: Святоша занималъ Луцкъ до похода Давыда на Волынь; стѣсненный послѣднимъ онъ заключаетъ съ нимъ договоръ и остается въ Луцкѣ же, только Давыдъ помѣщаетъ у него, очевидно для обезпеченія, своихъ мужей. Перейдя затѣмъ, послѣ прихода Путяты на сторону Святополка, онъ сохраняетъ за собою Луцкъ и теперь, и только послѣ новыхъ успѣховъ Давыда, не надѣясь удержать городъ за собою, ушелъ въ Сѣверщину. Очевидно, дѣло шло о чемъ-то большемъ, чѣмъ о занятіи города гарнизономъ. Что Святославичи, въ частности Святоша, за свою помощь должны были получить вознагражденіе отъ Святополка, это понятно само по себѣ.

[4]) Лавр. с. 260—263 (Ипат. с. 176—179).

можемъ до нѣкоторой степени возстановить дальнѣйшія его перипетіи. Потерпѣвъ неудачу въ войнѣ, Святополкъ обратился къ дипломатіи. Вѣроятно, ссылаясь на первое постановленіе князей (у Городца) относительно Давыда, онъ приглашалъ ихъ принять мѣры съ своей стороны къ удаленію послѣдняго изъ волости, такъ какъ самому Святополку это не удалось; при этомъ подразумѣвалось, конечно, что Волынь все таки должна перейти къ Святополку. Ему удалось, какъ видно, склонить на свою сторону не только Святославичей, но и Мономаха. Давыда рѣшено было подвергнуть суду княжескаго съѣзда и лишить волости. Вѣроятно, такое рѣшеніе было принято на первомъ съѣздѣ князей въ Вѣтичахъ или Увѣтичахъ (подъ Кіевомъ, за Днѣпромъ, у с. Хотяновки), который происходилъ 10 августа 1100 г.; здѣсь „братья створиша міръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ“ [1]). Если это „створиша міръ“ должно быть принимаемо въ собственномъ смыслѣ, а не въ значеніи уладились, пришли къ соглашенію, то придется предположить какую-нибудь, неизвѣстную намъ, ссору между ними—и вѣроятнѣе всего, между Святополкомъ и Мономахомъ или, быть можетъ, между Мономахомъ и Святославичами. Разсказъ лѣтописи даетъ основаніе предполагать, что еще раньше, вѣроятно, во время войны со Святополкомъ, Давыдъ Игоревичъ обращался къ братіи съ какою-то жалобою. Теперь, повидимому, этою жалобою воспользовались, какъ предлогомъ для составленія общаго съѣзда и приглашенія на него Давыда [2]). 30 августа въ тѣхъ же Увѣтичахъ произошелъ второй съѣздъ, уже съ участіемъ

---

[1]) Лавр. с. 263 (Ипат. с. 180). Соловьевъ полагалъ, что 14 августа съѣзжались представители князей, которые уговорились относительно общаго княжескаго съѣзда и назначили его на 30 августа; но для такого предположенія лѣтопись не даетъ основаній. Татищевъ говоритъ еще, что на первый съѣздъ явились съ жалобою послы Володаря Ростиславича. Приведенное опредѣленіе мѣстности Увѣтичей принадлежитъ проф. В. Б. Антоновичу, см. о ней еще Ист. Кіев. з. с. 22.

[2]) Въ Сказаніи: „привабиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володиміря' но даша ему Дорогобужь“. (Лавр. с. 263). Въ Никоновск л. (П. с. р. л. IX с. 136): „и начаша посылати по Давыда Игоревичя, любовію водяще его къ себѣ и обѣщевающе ему столъ градъ Володимеръ“; прибавленіе очень любопытное и невѣроятное, если это только не распространеніе слова „привабиша“.

Давыда. Давыдъ явился смѣло: „на что мя есте привабили? осе есмъ, кому до мене обида? И отвѣща ему Володимеръ: ты еси прислалъ к намъ: хочю, братья, прити к вамъ и пожаловатися своея обиды; да се еси пришелъ и сѣдишь с братьею своею на одиномъ коврѣ, то чему не жалуешься, до кого ти насъ жалоба? и не отвѣща Давыдъ ничтоже“. Вѣроятно, по тону отвѣта Давыдъ догадался, что его дѣло было уже рѣшено и всякіе разговоры безполезны. Князья разошлись и совѣщались со своими дружинами, „а Давыдъ Игоревичь сѣдяше кромѣ, и не припустяху его к собѣ“; Святополкъ же, соучастникъ преступленія Давыда, явился теперь его судьею, да одновременно еще и лицомъ заинтересованнымъ въ обвиненіи. По совѣщаніи князья отправили къ Давыду своихъ бояръ-пословъ и объявили рѣшеніе: Давыдъ лишался волости за свое преступленіе и ему предоставлялись во владѣніе только Бужскъ и Острогъ [1]); кромѣ того князья, каждый отъ себя, сдѣлали въ его пользу пожертвованія: Святополкъ далъ Дубенъ и Черторыйскъ [2]), Мономахъ—200 гривенъ, Святославичи тоже 200 гривенъ [3]); краткость лѣто-

---

[1]) О Бужскомъ и Острогѣ, начиная съ татищева и по сіе время, идетъ разногласіе. Въ лѣтописи стоитъ: „в Бужьскѣмъ (Божескомъ) въ Острозѣ; Татищевъ (II, стр. 196), затѣмъ Зубрицкій, Соловьевъ, Костомаровъ, Иловайскій, Андріяшевъ, видятъ здѣсь два отдѣльные города; Карамзинъ (II, пр. 195), Погодинъ, Бѣляевъ, Барсовъ—одинъ, Бужскій острогъ,—дѣйствительно Острогъ нигдѣ больше не упоминается до XIV в., хотя это и не можетъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ. Что касается мѣстоположенія, то Острогъ существуетъ по нынѣ, а вопросъ о Бужскахъ—Божскахъ—одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ въ мѣстной исторической географіи. Съ значительною вѣроятностью можно установить два города этого имени, одинъ въ области западнаго Буга, другой—южнаго (собственно Божскъ); нужно ли всѣ упоминанія относить къ этимъ двумъ городамъ, или слѣдуетъ предположить еще третій, гдѣ нибудь въ Погоринѣ (тогда Божскій 1100 г. можно бы отождествить съ Бужскомъ 1152 г., упоминаемымъ среди городовъ южной Погорины)—слишкомъ трудно рѣшить. См. Барсова, Геогр. нач. лѣт. 1885 г., стр. 118, 140, Н. П. Дашкевича, Болоховская земля—въ Трудахъ III археол. съѣзда, II. стр. 75—77, 84—5 и др., также Ист. кіевской земли, стр. 45—6.

[2]) Черторыйскъ (мѣстечко луцкаго у. на р. Стыри) принадлежалъ, вѣроятно, къ туровской волости Святополка, Дубенъ, если не былъ выдѣленъ изъ Давыдовыхъ же владѣній, долженъ былъ принадлежать тогда къ Погоринѣ.

[3]) И. В. Лашнюковъ недоумѣваетъ, почему Мономахъ одинъ даетъ 200 гр., а Святославичи-оба вмѣстѣ, и подозрѣваетъ здѣсь тайный умыслъ со стороны

писнаго извѣстія оставляетъ насъ въ неизвѣстности относительно значенія этихъ прибавокъ отъ братіи, были ли онѣ просто подачками „на бѣдность“ (это было бы довольно характерно, особенно со стороны Святополка) или имѣли другой смыслъ. Этимъ не ограничились постановленія съѣзда: было рѣшено отобрать волость и у Василька, „послашася слы своя къ Володареви и к Василкови: поими брата своего Василка к собѣ, и буди вама едина власть, Перемышль; да аще вамъ любъ, да сѣдита, аще ли ни, да пусти Василка сѣмо, да его кормимъ сдѣ, а холопы наша выдайта и смерды“. Предложеніе это было, вѣроятно, мотивировано тѣмъ, что Василько, какъ слѣпецъ, не можетъ самъ управлять волостью [1]), но то былъ, конечно, лишь благовидный предлогъ, это ясно; спрашивается только, кому должна была поступить Теребовльская волость Василька? Конечно, рѣшить этого окончательно мы не можемъ, но соображая, что она принадлежала также къ отчинѣ Святополка, думаю, что и предложеніе это было сдѣлано въ интересахъ Святополка, равно какъ и требованіе выдать холопей и смердовъ: послѣдніе въ большинствѣ, если не исключительно, были изъ волостей волынскихъ, захвачены во время войны съ Ростиславичами, слѣдовательно возвратить ихъ нужно было преимущественно Святополку“ [2]).

Такимъ образомъ увѣтичскій съѣздъ работалъ въ интересахъ Святополка. Святославичи поддерживали его, вѣроятно, подъ условіемъ вознагражденія (вспомнимъ передачу Луцка Святошѣ Давыдовичу); какую же роль игралъ во всемъ этомъ Мо-

---

Мономаха (ор. с. с. 25); но послѣдній на съѣздѣ былъ представителемъ отдѣльной княжеской линіи (Всеволода), какъ Давыдъ и Олегъ вмѣстѣ—другой линіи (Святослава). Зубрицкій (ор. с. II, стр. 37) и Шараневичъ (ор. с. с. 31), вслѣдъ за Длугошемъ (III, р. 344) и Стрыйковскимъ (I, р. 179), полагаютъ, что князья обѣщали Давыду платить по 200 гривенъ ежегодно; но это было бы, пожалуй, больше чѣмъ сколько назначили князья Давыду сообща, сколько далъ ближайше заинтересованный Святополкъ.

[1]) Ср. Соловьева, Ист. отнош. княз. Рюрик. дома, стр. 121.

[2]) Ср. Полевого, Ист. рус. народа, II, стр. 357. У Татищева (II, стр. 197): „взятыхъ въ плѣнъ холопей и подлыхъ Володимирскихъ всѣхъ освободить, понеже Володимиръ дали сыну Святополчу Ярославцу“.

номахъ? Большею частью его считаютъ иниціаторомъ и распорядителемъ и этого съѣзда, виновникомъ его постановленій [1]); при этомъ въ его дѣйствіяхъ одни видятъ несправедливую потачку Святополку, своекорыстные виды на Волынь, другіе же не освѣщаютъ этого поступка, или стараются оправдать Мономаха. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что Мономахъ собственно не былъ здѣсь активнымъ лицомъ. Если онъ благопріятствовалъ политикѣ Святополка, то не по своей охотѣ, не изъ ненависти къ Олегу, не потому, что берегъ в. княжество для себя и „сгибался предъ Святополкомъ, чтобы не нарушить внѣшняго почтенія къ званію в. князя“, какъ объяснялъ одинъ историкъ [2]), а потому, что оставшись одинокимъ, безъ союзниковъ, не желалъ расходиться съ партіею Святополка, боялся ссориться съ послѣднимъ; въ описаніи увѣтичскаго съѣзда Мономахъ, правда, играетъ видную роль и усердно дѣйствуетъ въ пользу Святополка, но это еще не значитъ, чтобы онъ дѣлалъ это по своей охотѣ. Постановленіе увѣтичскаго съѣзда было глубоко несправедливо и такой благоразумный и заботливый въ отношеніи легальности человѣкъ, какъ Мономахъ, не принялъ бы въ немъ участья, если бы не былъ къ тому вынужденъ; что до поддержки авторитета в. князя, то тогда въ этомъ отношеніи не существовало особенной щепетильности. Высказаны были еще предположенія, что Мономахъ дѣйствовалъ изъ корыстныхъ разсчетовъ, что онъ желалъ пріобрѣсть Волынь себѣ и имѣлъ въ виду вымѣнять ее потомъ у Святополка [3]), или, какъ думаетъ другой, новѣйшій изслѣдователь, Мономахъ „зналъ, что послѣ смерти Святополка в. княземъ будетъ онъ и тогда ему легче

---

[1]) Такъ В. Пассекъ въ своей „Княжеской и до княжеской Руси“ (въ Чтеніяхъ московскаго общества ист. и древн., 1870, кн., III), сочиненіи, отличающемся въ отношеніи Мономаха особеннымъ панегиризмомъ, признавалъ, что увѣтичскій съѣздъ, былъ произведеніемъ Мономаха, какъ и любечскій, и постановленія его были „не что иное, какъ снисходительное исполненіе требованій Мономаха, при заключеніи имъ мира со Святополкомъ, относительно преслѣдованія Давыда“, стр. 93 (187).

[2]) Полевой, Исторія русск. народа, II, стр. 358—359.

[3]) Лашнюковъ, Владиміръ Мономахъ, стр. 25.

будетъ прибрать Волынь къ рукамъ“ [1]). Эти объясненія, по моему, несправедливы; о мнѣнѣ я буду говорить ниже, что касается второго мнѣнія, то мы, конечно, знаемъ, что Мономахъ наслѣдовалъ Святополку, и въ 1118 г. отобралъ Волынь у его сына Ярослава, но чтобъ Мономахъ въ 1100 г. это настолько ясно предвидѣлъ, что даже волости набиралъ для Святополка, это невѣроятно и психологически, и исторически: Мономахъ вовсе не былъ прямымъ наслѣдникомъ Святополка; если принять, что на любечскомъ съѣздѣ было установлено преемство князей по прямой линіи, законнымъ преемникомъ Святополка былъ его сынъ Ярославъ (и это мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ), если преемство въ родѣ, какъ думаютъ чаще,—то Святославичи; вокняженіе Мономаха въ Кіевѣ въ обоихъ случаяхъ было въ сущности счастливою случайностью, обусловленною народнымъ избраніемъ. Что Мономахъ дѣйствовалъ на увѣтичскомъ съѣздѣ подъ давленіемъ обстоятельствъ, въ угоду господствующей партіи, это довольно убѣдительно показываетъ слѣдующій эпизодъ.

Во вступленіи къ своему Поученію Мономахъ разсказываетъ, что поводомъ къ его составленію былъ такой случай: „усрѣтоша мя слы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: потъснися к намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимемъ, еже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ; и рѣхъ: аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити“ [2]). Подъ братьею, принимая въ соображеніе извѣстія Сказанія, нельзя разумѣть никого, кромѣ Святополка и Святославичей. Относительно времени, къ которому относится этотъ случай, существуетъ разногласіе. Погодинъ, въ спеціальномъ изслѣдованіи объ этомъ памятникѣ, полагалъ, что здѣсь идетъ рѣчь о походѣ Святополка на Ростиславичей 1099 г. [3]), но мнѣ

---

[1]) Андріяшевъ, Очеркъ ист. волынск. земли, стр. 115.

[2]) Лаврент. л., стр. 232—233.

[3]) „О Поученіи Мономаха“ – въ Извѣстіяхъ II отд. академіи наукъ, т. X, стр. 237 (ср. также Хронологическій указатель его же, стр. 102 и 106); выводъ Погодина относительно времени составленія Поученія (1099 г.) принятъ и г. Протопоповымъ въ его сочиненіи „Поученіе Владиміра Мономаха, какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси“ (Журн. Мин Нар. Просв.,

болѣе справедливымъ кажется мнѣніе, что упомянутый походъ затѣвался уже послѣ увѣтичскаго съѣзда, вслѣдствіе отказа Ростиславичей въ уступкѣ Теребовля [1]): „братья", лично заинтересованная въ этомъ, пригласила въ походъ и Мономаха, какъ участника увѣтичскихъ постановленій. Но будь то до увѣтичскаго съѣзда или послѣ него, для насъ любопытно здѣсь именно отношеніе Мономаха къ братіи: послѣдняя чувствуетъ за собою силу и нисколько не заботится о мнѣніи Мономаха, самое предложеніе, въ передачѣ Мономаха, поставлено очень рѣзко: „если не хочешь, то мы считаемъ себя ничѣмъ не связанными въ отношеніи тебя", и Мономахъ не протестовалъ, а обратился за утѣшеніемъ къ псалтири. Если принять, что это случилось послѣ увѣтичскаго съѣзда, то нужно это понимать такъ, что Мономахъ счелъ невозможнымъ, слишкомъ неловкимъ для себя, выступать открыто для отобранія у Ростиславичей волостей, утвержденныхъ за ними на Любечскомъ съѣздѣ (объ этомъ крестномъ цѣлованіи и говоритъ Мономахъ), хотя и участ-

---

1874, кн. II, стр. 236). Погодинъ указываетъ на то, что, по свидѣтельству Поученія, оно написано черезъ три года послѣ перехода Мономаха изъ Чернигова въ Переяславль (конецъ 1094 или начало 1095 г.): „и сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы" (Лавр. л., стр. 240), но этотъ доводъ не особенно убѣдителенъ: едва ли здѣсь опредѣляется промежутокъ; въ самомъ Поученіи упоминается о четырехъ зимахъ послѣ похода на Олега и осады Стародуба (1096 г.), а та въ которую къ Мономаху пришли послы отъ братьи, будетъ уже пятою („и потомь паки идохомъ къ Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихомъ Смоленску; и сы нынѣ иду Ростову", стр. 241). Но самое главное то, что до увѣтичскаго съѣзда упомянутое посольство къ Мономаху могло быть отправлено не позже того времени, когда Давыдъ Игоревичъ сталъ отвоевывать Волынь у Святополка: борьба съ Ростиславичами послѣ этого отошла на задній планъ и Святополкъ просилъ бы помощи противъ Давыда; по этому самому оно не могло быть отправлено и до похода Святополка на Давыда; остается промежутокъ—апрѣль—май 1099 г., а посольство явилось къ Мономаху зимою, во время санняго пути (с. 232, ср. и с. 241), какъ справедливо признаетъ и Погодинъ; не сходясь съ условіями 1099 г., это обстоятельство вполнѣ подходитъ ко времени послѣ увѣтичскаго съѣзда, бывшаго въ августѣ, (существуетъ и другое толкованіе выраженія: „сѣдя на санехъ"—въ смыслѣ „приближаясь къ смерти" (сани—принадлежность похоронъ), но если поученіе было писано въ 1099—1100 г., то Мономаху не было еще и полныхъ пятидесяти лѣтъ).

[1]) Такого мнѣнія держатся: Зубрицкій (II с. 37—8), Соловьевъ (II с. 62), Бѣляевъ (Разск. изъ рус. ист. I, с. 144), Костомаровъ (Русск. ист. I, с. 57), Шараневичъ (ор. с. с. 31).

вовалъ въ увѣтичскихъ постановленіяхъ—это участіе, слѣдовательно, не было искреннимъ поступкомъ Мономаха. Если же это произошло еще въ 1099 г., то, значитъ, Мономахъ, противъ воли и убѣжденія, въ концѣ концовъ подчинился партіи Святополка и принялъ участіе въ постановленіяхъ относительно Ростиславичей и Давыда, благо, нѣкоторая внѣшняя благовидность была для того [1]). Итакъ, въ томъ и другомъ случаѣ несомнѣнно, что Мономахъ не былъ хозяиномъ во всемъ этомъ дѣлѣ, дѣйствовалъ подъ давленіемъ обстоятельствъ, сообразуясь въ своей политикѣ съ желаніями руководящей партіи—Святополка и его союзниковъ—Святославичей.

Ростиславичи отказались подчиниться увѣтичскимъ постановленіямъ и уступить теребовльскую волость. Были ли сдѣланы попытки понудить ихъ силою къ тому, предпринятъ ли былъ на нихъ походъ, источники не говорятъ; во всякомъ случаѣ они сохранили свои владѣнія.

Переходъ Волыни во власть Святополка вызвалъ протестъ со стороны его племянника Ярослава Ярополковича. Ярополкъ владѣлъ Волынью въ то время, какъ Святополкъ княжилъ въ Новгородѣ. Двое сыновей Ярополка, какъ упомянуто, помогали Святополку во время волынской войны [2]) и, вѣроятно, разсчитывали на волости, но обманулись. На слѣдующій годъ послѣ увѣтичскаго съѣзда (въ 1101 г.) Ярославъ Ярополковичъ засѣлъ въ Берестьи (неизвѣстно, была ли то волость его, или онъ захватилъ этотъ городъ силою [3]) и началъ борьбу съ дядею. Она оказалась ему не подъ силу; осажденный, онъ вынужденъ былъ сдаться и въ оковахъ приведенъ въ Кіевъ. По ходатайству митрополита и игуменовъ его освободили изъ оковъ, заставивъ предварительно присягнуть на мощахъ Бориса и Глѣба; въ слѣдующемъ году онъ бѣжалъ. Повидимому, Ярославъ

---

[1]) При такой точкѣ зрѣнія объясняется и вышеприведенное выраженіе лѣтописи о первомъ съѣздѣ въ Увѣтичахъ: „братья створиша міръ межи собою".

[2]) Лаврент. л. с. 260 (въ Ипатск.—на стр. 177—это мѣсто пропущено).

[3]) Въ Лавр. с. 265 (также Никоновск. и Воскресенск.) „заратися", въ Ипатск. (с. 181)—„затворися Ярославъ Ярополчичь у Берестьи"; Татищевъ (II, с. 197) прибавляетъ: „князь берестскій".

пробирался въ Польшу, но Ярославъ Святополчичъ настигъ его и захватилъ какою то хитростью („перьльсти“) на р. Нурѣ (правомъ притокѣ З. Буга). Ярославъ Ярополковичъ былъ снова отведенъ въ Кіевъ и посаженъ въ оковы; такъ онъ и скончался въ слѣдующемъ году (1103) [1].

Давыдъ Игоревичъ, судя по извѣстіямъ источниковъ, покорно подчинился рѣшенію братьевъ; испытанныя передряги, видимо, смирили его. Онъ сидѣлъ сначала въ Бужскѣ, „и по семь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь“—его первоначальную волость. Въ какомъ отношеніи стояло это къ первоначальному надѣленію Давыда — прибавилъ ли ему владѣній Святополкъ, или обмѣнилъ на прежнія, мы не знаемъ [2]. Дорогобужъ былъ однимъ изъ центральныхъ городовъ Погорины и съ нимъ часто связывалось владѣнье всею этою областью; изъ прежнихъ городовъ Давыда Черторыйскъ навѣрное находился внѣ Погорины, а Острогъ входилъ, несомнѣнно въ составъ ея (о Божскѣ и Дубнѣ нельзя сказать этого съ увѣренностью); можетъ быть Святополкъ округлилъ владѣнія Давыда въ Погоринѣ и взамѣнъ взялъ волости, находившіяся внѣ ея. Что касается времени этого событія (въ источникахъ недатированнаго), то, по справедливому замѣчанію г. Андріяшева, оно произошло очень скоро послѣ увѣтичскаго съѣзда, такъ что авторъ Сказанія даже не упомянулъ о надѣленіи Давыда Дубномъ, Черторыйскомъ и прочими городами [3]. Въ Дорогобужѣ и скончался Давыдъ въ 1112 г. [4].

Въ сыновья Давыду даютъ обыкновенно т. н. Всеволодка, князя Городна (мѣстечко въ пинскомъ уѣздѣ, между устьями ворыни и Стыра); происхожденіе этого князя въ лѣтописяхъ

---

[1]) Лавр. с. 265—266 (Ипатск. с. 181—182), подъ 1102 г.—ошибочно (см. Карамзинъ, II, пр. 209, Погодинъ, Изслѣдованія, лекціи etc. IV, с. 34 и Хронологическій указатель, с. 58).

[2]) У Татищева (II с. 197) Святополкъ прибавляетъ Давыду Дорогобужъ. По Сказанію, этотъ городъ былъ данъ Давыду совѣтомъ князей; подробный разсказъ лѣтописи заслуживаетъ, конечно, болѣе довѣрія, но это обстоятельство любопытно, ибо показываетъ, что заключеніе Сказанія не заимствовано изъ лѣтописи.

[3]) Очеркъ ист. волынск. зем. с. 115.

[4]) Ипатск. л. с. 197, Лавр. с. 275 (подъ 1113 г.).

нигдѣ не указано, предположеніе, что онъ былъ сыномъ Давыда, довольно вѣроятно[1]). Въ такомъ случаѣ по смерти Давыда, дорогобужская волость была отобрана у его сына Святополкомъ или кѣмъ нибудь изъ его преемниковъ и замѣнена Городномъ— изъ туровскихъ волостей[2]).

Пріобрѣтеніе Волыни не удовлетворило Святополка; его, очевидно, гораздо больше интересовалъ Новгородъ, исконный аннексъ Кіева, и онъ не медля обратился къ Мономаху съ предложеніемъ обмѣнять Волынь на Новгородъ[3]) Объ этихъ переговорахъ лѣтопись разсказываетъ подъ 1102 г. такъ: „приде Мстиславъ, сынъ Володимеръ, с. Новгородци, бѣ бо Святополкъ с Володимеромъ рядъ имѣлъ, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой въ немь, а Володимеру посадити сынъ свой в Володимери, и приде Мстиславъ Кыеву, и сѣдоша въ избѣ, и рѣша мужи Володимери: и се прислалъ Володимеръ сына своего, да се сѣдять новгородци, да поимше сына твоего и идуть Новугороду, а Мьстиславъ да идеть Володимерю“. И рѣша новгородци Святополку: „се мы, княже, прислани к тобѣ, и ркли ны тако: не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли

---

[1]) Давыдовичемъ Всеволодко названъ у Татищева (II с. 265) и въ старомъ изданіи Радзивилловскаго (Кенигсбергскаго) списка (Библіотека россійская историческая I, 1767, с. 195), но въ подлинникѣ послѣдней Всеволодко Давыдовичемъ не названъ (см Лавр. л. с. 293, въ разночтеніяхъ), это прибавленіе взято, вѣроятно, изъ Татищева, который такимъ образомъ является единственнымъ источникомъ Карамзинъ принялъ это извѣстіе, или домыслъ, а за нимъ и послѣдующіе ученые (Ист. гос. росс. II., пр, 250, Погодинъ, Изслѣдованія VI, с. 96, родословные таблицы Строева и Соловьева—въ ключѣ къ Ист. гос. Росс., роспись 3 и въ Ист. Россіи, табл. 2).

[2]) Что Городенъ принадлежалъ къ туровской волости, это нужно заключить изъ положенія его—между Пинскомъ и Дубровицею, тоже городомъ турово-пинской волости (сравни Лавр. с. 374 и Ипат. с. 426 и 466), г. Довнаръ-Запольскій въ своемъ „Очеркѣ исторіи кривичской и дреговичской земель“ впрочемъ причисляетъ Городенъ, какъ и Дубровицу, къ древлянскимъ городамъ (с. 58). Во владѣніи Всеволодка и трехъ его сыновей Городенъ оставался почти все XII ст. (Ипат. с. 210 и 426, Погодинъ, Изслѣдов. VI с. 96, 181—2).

[3]) Если среди волостей Давыда были волынскія (можетъ быть Дубенъ, Бужскъ), и Дорогобужъ былъ данъ въ обмѣнъ за нихъ, то передача послѣдняго Святополкомъ стояла, быть можетъ, въ связи съ намѣреніями промѣнять Волынь: для этого онъ счелъ нужнымъ освободить ее отъ прочихъ владѣтелей.

двѣ главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли и; а сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь, а ты еси шелъ отъ насъ". И Святополкъ же многу прю имѣвъ с ними, онѣмъ же не хотѣвшимъ, поимше Мстислава, придоша Новугороду" [1]). Кто былъ инициаторомъ, лѣтопись прямо не говоритъ, но само писаніе показываетъ, что имъ былъ Святополкъ: если бы въ мѣнѣ заинтересованъ былъ Мономахъ, ему незачѣмъ было посылать новгородскихъ пословъ предъ лицо Святополка, и послѣдній не сталъ бы препираться съ ними такъ усердно. Мономаху же эта мѣна, повидимому, была прямо не желательна, иначе, какъ справедливо замѣтилъ Соловьевъ [2]), онъ могъ вмѣстѣ съ Святополкомъ преодолѣть сопротивленіе новгородцевъ; можетъ быть, владѣніе Волынью казалось ему непрочнымъ, затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что она была бы для него владѣньемъ черезполоснымъ, охваченнымъ волостями Святополка; но онъ не нашелъ возможнымъ уклониться отъ предложенія Святополка—опять фактъ любопытный для характеристики существовавшихъ между ними отношеній. Отказъ новгородцевъ вывелъ Мономаха изъ затрудненія; а чтобы Святополкъ не заподозрилъ его во лжи или какихъ либо козняхъ, онъ и препроводилъ новгородцевъ къ нему [3]). Святополкъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, и Новгородъ навсегда ускользнулъ изъ подъ власти его и его рода.

Этимъ собственно закончился волынскій вопросъ. Оглядываясь на его перипетіи, мы видимъ, что почву для него подготовили политическія отношенія второй половины XI в., результаты которой были закрѣплены любечскимъ съѣздомъ; толчекъ дала размолвка Святополка съ Мономахомъ. Политика послѣдняго дала совсѣмъ неожиданное направленіе вопросу: вмѣсто борьбы Давыда Игоревича съ Ростиславичами за объ-

---

[1]) Лавр. с. 265—266 (Ипат. с. 181—2).

[2]) Ист. Россіи II, с. 64.

[3]) Я остановился на объясненіи этого факта потому собственно, что И. В. Лашнюковъ, какъ упомянуто выше, полагалъ, что Мономахъ хотѣлъ вымѣнять Волынь у Святополка и съ этой цѣлью еще раньше настаивалъ на передачѣ Волыни этому послѣднему (ср. с. с. 25).

единеніе Волыни и Святополка съ Мономахомъ—за Новгородъ, вышла борьба Святополка съ Давыдомъ и Ростиславичами—для объединенія опять таки другой своей, волынской отчины. Его поддержали Святославичи, вѣроятно, изъ разсчетовъ корыстныхъ, Мономахъ—чтобы отвлечь его отъ болѣе непріятныхъ для него (Мономаха) претензій. Но Святополкъ успѣлъ осуществить свое намѣреніе только отчасти: Ростиславичи сохранили свои владѣнія. Его столкновеніе съ ними, впрочемъ, имѣло, какъ кажется, важное значеніе для послѣдующаго: оно въ значительной степени опредѣлило послѣдующую политику галицкихъ князей (хотя, какъ было замѣчено уже, соперничество между Ростиславичами и волынскими князьями существовало и раньше): галицкіе князья зорко слѣдятъ за своими волынскими сосѣдями, всячески стараются препятствовать ихъ усиленію и особенно боятся соединенія въ однѣхъ рукахъ Волыни съ Кіевомъ; они помнили, что ихъ владѣнія тянули нѣкогда ко Владиміру и боялись, что волынскіе князья, усилившись, захотятъ возвратить эти волости (что, дѣйствительно, и случилось при Романѣ). Особенно характерный примѣръ этой политики представляетъ поведеніе Володимірка, который дружилъ сначала съ Всеволодомъ Ольговичемъ, пока на Волыни сидѣли Мономаховичи, а потомъ сразу „раскоторася“ съ нимъ, „же сѣде сынъ его Володимири“ [1]).

Въ общемъ весь разсмотрѣнный эпизодъ производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе: въ политикѣ, въ княжескихъ отношеніяхъ господствуютъ корыстные разсчеты, эгоизмъ, который кажется тѣмъ противнѣе, что въ нашихъ источникахъ по временамъ одѣвается въ личину благочестія, патріотизма; выгода заставляетъ примириться со всякими злодѣяніями и дѣлаетъ приспѣшниками насилій даже такихъ благочестивыхъ людей, какъ Давыдъ Святославичъ и Святоша, такого любимца духовенства, какъ Мономахъ. Только духовенство въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей среди этой оргіи эгоизма не

---

[1]) Ипат. л. с. 225.

спѣшно и не замѣтно совершало свою миссію—распространенія гуманности и нравственнаго подъема [1]).

Изъ дѣятелей этой поры яснѣе другихъ выступаютъ: Мономахъ, Святополкъ, Давыдъ Игоревичъ и Василько; къ установившейся характеристикѣ послѣднихъ я не имѣю прибавить ничего существеннаго. Святополкъ обрисованъ очень полно въ Сказаніи; рѣшившись на преступленіе подъ вліяніемъ Давыда, онъ робѣетъ и теряется въ опасности, но когда оказывается, что обстоятельства за него, тогда онъ дѣйствуетъ смѣло, нагло, увѣренный въ безнаказанности. Благодаря стеченію обстоятельствъ, ему удалось сыграть въ современной политикѣ роль гораздо болѣе значительную, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ и чѣмъ сколько можно было ожидать, судя по его невеликимъ способностямъ. Мнѣніе, что онъ дѣйствовалъ подъ опекою Мономаха, съ его благосклоннаго соизволенія, совершенно несправедливо; напротивъ, Мономахъ, такъ сказать, былъ сбитъ съ позиціи, дѣйствовалъ въ интересахъ Святополка, хотя, видимо, не сочувствовалъ имъ. Что касается до самого Мономаха, то въ разсмотрѣнныхъ событіяхъ онъ является мнѣ не столько братолюбцемъ и добрымъ страдальцемъ за русскую землю, сколько политикомъ, осторожнымъ, благоразумнымъ, лавирующимъ среди современныхъ политическихъ отношеній и уступающимъ тамъ, гдѣ чуялъ серьезныя препятствія, серьезную борьбу. Мнѣ кажется, что и въ событіяхъ послѣдующей политической дѣятельности его отражается тотъ же характеръ, еще болѣе скраденный обстановкою, внѣшностью; въ сущности онъ является продолжателемъ политики своего отца, только болѣе энергичнымъ, талантливымъ, болѣе чуткимъ въ отношеніи благопристойности [2]).

---

[1]) На пространствѣ немногихъ, разсматриваемыхъ нами, годовъ, имѣемъ два случая заступничества кіевскаго духовенства предъ Святополкомъ: за Василька и Ярослава Ярополчича.

[2]) Воззрѣнія на характеръ Мономаха весьма видоизмѣнялись у отдѣльныхъ ученыхъ, не то что характеристика Святополка, которая установилась еще съ Татищева. Къ Мономаху наши источники относятся очень благопріятно, въ своихъ произведеніяхъ онъ выступаетъ тоже въ очень выгодномъ свѣтѣ, и на первыхъ порахъ въ такомъ же ореолѣ онъ явился и въ исторіи: Татищевъ (II, с. 229) по-

Этимъ я закончу свои соображенія, навѣянныя изученіемъ источниковъ нашей исторіи. Тревожа покой давно почившихъ дѣятелей, я имѣлъ цѣлью дать болѣе справедливое и безпристрастное объясненіе и оцѣнку ихъ дѣятельности; насколько удалось мнѣ приблизиться къ осуществленію этой цѣли. предоставляю судить людямъ болѣе меня компетентнымъ, повторяя слова стараго списателя: „чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ".

М Грушевскій.

вторяетъ о немъ отзывы лѣтописей, у Карамзина Мономахъ былъ однимъ изъ любимыхъ героевъ (характеристику см. въ т. II, с. 98). Въ противоположность послѣднему, Н. Полевой въ своей „Исторіи русскаго народа", признавая за Мономахомъ превосходство надъ современниками относительно ума, энергіи и пониманія нуждъ современной Руси, о характерѣ и дѣятельности его сдѣлалъ весьма строгій отзывъ, считая его человѣкомъ хитрымъ, вѣроломнымъ, своекорыстнымъ (см. особенно с. 305, 377 второго тома). Этотъ взглядъ, однако, не получилъ права гражданства въ наукѣ и восторженное отношеніе къ Мономаху встрѣчается и позже (напр. у Хлѣбникова „Общество и государство" (373—374). М. П. Погодинъ посвятилъ вопросу спеціальное „Изслѣдованіе о жизни и дѣлахъ Владиміра Мономаха" (въ Хронолог. указателѣ с. 95—124); ругнувъ „какографію" Н. Полевого и его „бездарныхъ подражателей, уродующихъ русскую исторію", покойный академикъ удовольствовался тѣмъ, что привелъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣ извѣстія о Мономахѣ, безъ критической оцѣнки, и, подведя имъ итогъ (с. 121—124), заявилъ, что „самая строгая историческая критика должна преклониться предъ личностью Мономаха" (с. 124) Н. И. Костомаровъ относился къ традиціонной характеристикѣ Мономаха съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, но признавалъ за нимъ ту заслугу, что въ непросвѣщенной, эгоистичной средѣ тѣхъ временъ „одинъ Мономахъ держалъ знамя общей для всѣхъ правды и собиралъ подъ него силы русской земли (Русск. ист. въ жизнеоп. I, стр. 68). Соловьевъ, отрицая въ Мономахѣ передового человѣка, считая его „лицомъ съ характеромъ чисто охранительнымъ", признавалъ за нимъ тѣ высокія нравственныя достоинства, которыя придаютъ ему источники (Ист. Рос. II, с. 38—40, еще благопріятнѣе характеристика въ Ист. отнош. княз. Рюрик. дома с. 104—6); приблизительно на этой же точкѣ зрѣнія стоятъ г. Иловайскій (Ист России, I, с. 142—3, 147—8) и Протопоповъ въ изслѣдованіи „Поученіе Мономаха" (Ж. М. Н. П. 1874, II, с. 238—243). Наоборотъ, по мнѣнію И. В. Лашнюкова дѣятельность Мономаха не была чисто консервативною (ор. с. с. 37), съ другой стороны—въ этой дѣятельности онъ усматривалъ эгоизмъ и даже жестокость, хотя въ то же время находилъ въ Мономахѣ „гармонію нравственной чистоты и высокаго героизма съ свѣтлымъ умомъ, житейскимъ тактомъ, широтою натуры" (с. 25, 38, 39). Скептическое отношеніе къ Мономаху и у нѣкоторыхъ новѣйшихъ кіевскихъ историковъ—у П. В. Голубовскаго (Исторія сѣверск. зем. с. 81, 89, 101), Д. И. Багалѣя (Ист. сѣв. з. с. 173), Андріяшева (Ист. волын. з. с. 115).

Дозволено ценз. Кіевъ, 24-го мая 1891 г.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.

